

В. Г. Тепляков

Письма из Болгарии

Письмо пятое

Проза русских поэтов XIX века. Сост., подготовка текста и примеч. А. Л. Осповата.
М., "Советская Россия", 1982
[OCR Бычков М. Н.](#)

Брату Ал. Гр. Теплякову

Девно, 24-го апреля.

Как жаль, что вы не принадлежите к числу этих благосклонных друзей-читателей, кои от души довольствуются одной любопытной историей обедов, ужинов, ночлегов и тому подобных приключений словоохотного странника! Зачем, согро di Вассо! {черт возьми! (*ит.*).} Зачем придерживаться строгого мнения тех, кои настоятельно требуют, чтобы путешествия относились к географии, к этнографии, к статистике точно в такой же силе, как очерки каких-нибудь частных записок к истории времени, о коем идет дело? Мне против этого говорить, без сомнения, нечего; прошу только заметить, что, между тем как гг. астрономы толкуют о явном различии между двумя Сатурновыми кольцами и от души снабжают нас самыми верными *итинерерами* для прогулки по странам звездным и солнечным,-- почти вся внутренность древней Фракии, земли бессмертных дел и дивных, неистощимых воспоминаний, есть до сих еще пор *terra incognita* {неизвестная земля (*лат.*).} для нашей просвещенной Европы. Кроме того, путешествие по стране, выметенной в настоящее время ураганом огромной эмиграции, озаренной единым светильником русских и турецких *топчи* {пушек (*тур.*).}, имеет, кажется, уж по одной этой причине некоторое право на участие и снисходительность рассудительного читателя.

От Гебеджинского до Девнинского редута считается около 10-ти верст. Поздно после обеда выехал я из первого, и, невзирая на то, знойный болгарский вечер палил меня пуще великороссийского полдня. Спутниками моими были на этот раз один только путеводитель -- донец да *живой арсенал*, слуга мой. Мы проехали по тому самому месту, где за год перед сим цвело живописное Гебеджинское селение, теперь *разобранное*, по выражению одного из наших странствующих витязей. Большая часть дороги, ведущей в Девно, может по справедливости назваться продолжением пути от Варны до Гебеджи, но вскоре амфитеатр колоссов балканских начинает подыматься выше и выше по направлению к Праводам. Лазурное Девнинское озеро разворачивается у подошвы гор, почти при самом выезде из Гебеджинского редута. Издали -- оно сверкает подобно яркой вороненой стали в изумрудной оправе берегов своих. Еще далее -- тысяча серебристых излучин разбегается по ковру зеленой долины и подобно алмазной цепи обвивает ее у подножия лиловых скал, на краю подернутого радужной дымкою небосклона. Узкий путь тянется над сей лазурною скатертью по карнизу лесистых гор, разрисованных яркими узорами весны, увенчанных исполинскими фруктовыми деревьями и тысячею этих пестрых цветов и кустарников, кои столь живописно сочетают свою темную, светлую, золотистую растительность с рубинами ягод, благоухающих над зеркальной поверхностью озера. И здесь *неминуемые* фонтаны, выбегая из глубины кудрявых рощ, льются по скату гор, подобно крупным слезам по заключенным в ярко-зеленый бархат персям красавицы. Верст 6--7 проехал я таким образом; милая прелесть природы как будто перешла в мою душу; в это время ей было так легко, так весело: она ровно ни о чем не думала! Вскоре потом дорога отделилась от озера почти на версту вправо; в этом месте игривая речка Девно, прибежав из недр Северо-западных гор, бросается в объятия голубого Лимана -- и обширная песчаная равнина разворачивается вдруг перед вами. Какая печальная противоположность между сей желтой, безжизненной пеленой и ее роскошною рамою! Стая огромных орлов, завидя нас издалека, тяжело поднялась на воздух, и остатки отвратительного праздника -- разметанные повсюду кости людей и животных -- представились вдруг нашим взорам. Сердце мое содрогнулось: равнина старой битвы была, по всему видимому, в очах моих. Подобно доброму князю Руслану, я остановил перед нею коня своего; грустные думы теснили грудь мою;